

Чем холоднее становился взгляд Чи Юцина, тем непринуждённее и язвительнее звучал его голос.

Сжимая в кулаке телефон, он укрощал рвавшийся наружу поток бранных слов: обругать мерзавца на том конце провода — слишком дешёвая расплата. У него созрел план получше. Одни лишь слова — пустой звук, Чи Юцин намеревался заставить Дуань Минъюя по-настоящему взвыть от боли.

— Смотрю, соображалка у тебя всё-таки есть, — с ядовитой насмешкой отозвался он. — Правда, доходит как до жирафа. Твои умственные способности просто поражают, ц-ц-ц.

— Чи Юцин, ты берега-то не путай! Чего колючий такой, по-человечески разговаривать не учили? — рявкнули из динамика. — Будто мы друг от друга в восторге! Не кати бочку, мы вообще в одной лодке только из-за Дуань Цзинсяня. Давай живо документы, а дальше я сам всё проверну. Тебя это больше не касается, сиди и наслаждайся зрелищем.

— Документы ты получишь, — отрезал Юцин. — Но заруби себе на носу: с тобой в одном ряду я никогда не встану.

— Да-да, пофиг, разбубнился тут. Самое позднее — завтра, так что поторапливайся.

Юцин усмехнулся:

— Без проблем. Завтра точно получишь.

Завершив этот короткий разговор, он бросил трубку, и едкая улыбка моментально сошла с его лица. Узнай о происходящем Дуань Цзинсянь... это раздавило бы его. Младший дядя лишь казался неприступной глыбой льда, а на деле обладал мягким сердцем — особенно когда речь заходила о близких.

Как бы ни были испорчены отношения Цзинсяня с младшим братом, Юцин прекрасно чувствовал: где-то в глубине души тот всё ещё надеялся на семейное тепло. Да и сам Юцин, признаться, во многом грелся у этого же огня.

Вот только достоин ли Дуань Минъюй быть частью этой семьи?

Юцин сильно сомневался в этом. Вернее сказать — не верил ни на грош.

Люди едва ли способны искренне понять друг друга. Минъюй жаждал абсолютной свободы, тогда как Юцин знал: если дать свободе слишком много воли, она обращается сорвавшимся с нити бумажным змеем. Он несётся в никуда, лишённый опоры, твёрдой земли под ногами, чувства безопасности и своего пристанища.

Будь у самого Юцина такой старший брат, как Дуань Цзинсянь, он бы от него не отходил ни на шаг. А уж расти вместе с самого детства — об этом он прежде даже мечтать не смел.

Недостижимая мечта.

Видимо, человек всегда страстно жаждет именно того, чего был лишён.

Наведя порядок в мыслях, Юцин поднялся и направился в кабинет. Цзинсянь ничуть от него не таился: пароль от замка был ему известен, а отпечаток пальца давным-давно внесён в систему. В кабинет он входил столь же свободно, как и в собственную спальню.

Быстро найдя на рабочем столе папку, о которой говорил Минъюй, Юцин вспомнил подробности: над этим проектом Цзинсянь работал в последнее время. Переговоры зашли в тупик из-за цены — ходили слухи, будто один из конкурентов намеренно сбивал расценки до нелепого минимума.

Юцину хватило пары секунд, чтобы разгадать нехитрый замысел Дуань Минъюя.

Сфотографировав страницы, он аккуратно вернул документы на место, привёл стол в первозданный вид и покинул кабинет.

На следующий день сфабрикованные за ночь бумаги отправились к Минъюю. Все ключевые цифры и условия Юцин тонко переписал, превратив документ в откровенную дезинформацию. Правда, самого Юцина донимала досада: из-за этой ночной возни он проспал и остался без завтрака.

Весьма обидный урон.

Однако стоит представить, какая буря грянет дальше, как настроение тут же ползёт вверх.

Деловые переговоры иногда тянутся месяцами, а порой требуют лишь крошечного толчка, чтобы дело сдвинулось с мёртвой точки. Именно так произошло и на этот раз.

Спустя два дня Чи Юцин размышлял, не напросьется ли к Дуань Цзинсяню на полдник, когда раздался звонок. На экране высветилось имя Дуань Минъюя.

Надо же, плоды не заставили себя ждать.

Подключив гарнитуру и вдев наушник, он принял вызов, закинул ногу на ногу и вальяжно откинулся на спинку кресла. Взгляд зацепился за висевшую неподалёку картину с двумя котами, и на душе отчего-то стало совсем светло.

Юцин был во всеоружии, готовый принять на себя весь праведный гнев второго молодого господина Дуаня.

И не прогадал — едва установилась связь, из динамика шквалом посыпались отборные проклятия:

— Чи Юцин, ты совсем страх потерял?! Да кто ты вообще такой, чтобы против меня интриги плести?! Я это запомню, слышишь?! Если ты за это не заплатишь по полной, я не Дуань!

— Надо же, ты ещё помнишь свою фамилию? — безжалостно ехидничал Юцин. — Слил секретные данные собственной компании конкурентам — я уж грешным делом подумал, ты к ним в сыновья записался. Настоящий предатель. Или у тебя завёлся какой-то сторонний папочка?

— ЧИ ЮЦИН—!!!

Послушав отборную трёхэтажную брань, сыпавшуюся вперемишку с его именем, Юцин хладнокровно убавил громкость в наушнике. Дождавшись, пока Миньюй задохнётся от собственной ярости и начнёт жадно глотать воздух, он продолжил:

— Я специально подставил под удар такого паршивого предателя, как ты. Не будь у тебя брата, ты бы сейчас на свалке гнил! Зализобличали тебя со всех сторон — и всё, забыл, кто ты есть на самом деле? На тебя оглядываются только ради уважения к твоему брату, усёк? Дуань Миньюй, всё, что я сказал тебе в прошлый раз — чистейшая правда до единого слова. Взрослый мужик, а мозгов так и не нажил! Тебя используют как последнего идиота, а ты и рад стараться — чужие деньги считаешь да ухмыляешься. Дурак дураком, а ещё смеешь мне претензии предъявлять! Не будь у тебя гнилых помыслов, разве попался бы ты в мою ловушку? Чуть что пошло не так — вместо того чтобы искать причину в себе, ты снова наступаешь на те же грабли. Кого ты винишь? Второй молодой господин, хочешь отомстить? Пожалуйста, валяй, я к твоим услугам.

Сбросив звонок, Юцин не стал дожидаться очередного всплеска воплей. Набитый соломой дурак — если тому охота выставить себя идиотом, дело хозяйское. Но когда эта тварь пытается утянуть за собой в грязь Дуань Цзинсяня, Юцин встанет костью в горле.

Миньюй вознамерился сбить с ног родного брата, за что и получил небольшой — крошечный такой — урок. Пусть сам шлёпается в грязь сколько душе угодно, лишь бы не смел лезть к ним. Можно не сомневаться: покупатели — те самые конкуренты корпорации Дуань — устроили предателю знатную головомойку. Скорее всего, они и вовсе решили, будто братья Дуань разыграли этот спектакль в два смычка, чтобы обвести их вокруг пальца.

На большее Юцин и не рассчитывал: заставить Миньюя задуматься о своём поведении — задача посложнее постройки вавилонской башни. И иллюзий он не питал. Если тот хотя бы ненадолго притихнет и перестанет вставлять палки в колёса Цзинсяню — уже слава богу.

И всё же...

Как бы там ни было, теперь Юцин рядом. С какими бы трудностями ни столкнулся Цзинсянь, какими бы опасными ни оказались грядущие испытания, Юцин не отступит ни на шаг. Вдвоём в любом случае легче, чем тянуть эту лямку в одиночку.

Юцин постарался успокоиться, но в груди всё ещё жгло от злости на упёртого недоумка Минъюя и от сострадания к Цзинсяню, которому приходилось терпеть столь слепую враждебность со стороны родного брата.

С таким настроением о совместном чаепитии нечего и думать. Не хватало ещё, чтобы Цзинсянь заметил его взвинченность и начал расспрашивать. Этот мужчина донельзя глух в вопросах романтики, зато во всём остальном проницателен до ужаса. Поскольку всё уже улеглось, Юцин решил сохранить дело в тайне — к чему лишний раз ранить Цзинсяня и подливать масла в огонь их семейной вражды?

Но жизнь, как водится, внесла свои коррективы.

Раздавшийся в дверь стук Юцин проигнорировал, мельком бросив разрешение войти — решил, что кто-то из сотрудников принёс документы. Каково же было его изумление, когда на пороге возник тот самый человек, чьим образом были заняты все его мысли.

Дуань Цзинсянь пришёл не один, а с коробочкой десертов.

Юцин быстро взял себя в руки и с улыбкой поднялся навстречу:

— А я как раз собирался к тебе заглянуть.

Цзинсянь опустил сладости на стол и плавно подхватил:

— И что же помешало?

Опустив взгляд на аккуратную упаковку, Юцин смущённо потёр кончик носа:

— Да тут по работе возникла пара неприятных мелочей... Голова шла кругом. Не хотел навязываться и отвлекать, ты и так в последнее время загружен по горло.

Глядя на юношу и вспоминая всё то, что тот провернул за последние дни, Цзинсянь испытывал смешанные чувства — лёгкую досаду и глубокое, согревающее душу умиление. Юцин заботился о нём искренне, всем сердцем.

Признаваться Юцин не намеревался, а потому, не дав собеседнику опомниться и задать лишние вопросы, подхватил угощение, обхватил пальцами запястье Цзинсяня и увлёк его к небольшому круглому столику у панорамного окна. А сам отправился заваривать кофе.

Когда он вернулся с подносом, на котором дымились две чашки, Цзинсянь уже аккуратно раскладывал лакомства.

На тарелках красовалось хрустящее какао-печенье в форме каштанов, нежнейший кокосовый мусс, присыпанный ароматными лепестками османтуса, и пара пышных, очаровательных тарталеток с тыквенным пудингом. Для прохладного осеннего дня — идеальное угощение. Сочетание таких сладостей с горячим, бодрящим кофе дарило чистое наслаждение. Любое раздражение мгновенно улетучилось, стоило лишь пригубить напиток и разделить этот скромный полдник с любимым человеком.

Поставив чашку, Юцин пододвинул свой стул вплотную к Цзинсяню. Откусив кусочек каштанового печенья и запив его глотком кофе, он удовлетворённо вздохнул:

— До чего же вкусно! Это ведь тётушка Цзян готовила?

Сделав глоток, Цзинсянь перевёл взгляд на Юцина, который уже тянулся за муссом. В глазах мужчины мелькнула едва заметная тёплая улыбка:

— А ты тонкий ценитель.

Юцин улыбнулся и поднёс лопаточку с кусочком мусса к самым губам Цзинсяня:

— У тётушки Цзян выпечка просто изумительная, я столько раз ею восхищался! Младший дядя наверняка не стал бы покупать десерты в кондитерской, правда? Ну же, попробуй кусочек. Я уже оценил — совсем не приторно.

Цзинсянь не стал отнекиваться. А то, что десерт они ели одной вилкой... Рядом с Юцином подобные условности давно потеряли всякий смысл. Приняв угощение из его рук, он слизал мусс. Вкус и впрямь оказался сбалансированным: деликатная, шелковистая текстура без излишней приторности — как раз так, как он любил.

Кивком предложив Юцину продолжать трапезу, Цзинсянь указал на две баночки со сладостями:

— Оставь их у себя в кабинете. Грушевые леденцы хороши для горла, как раз спасут от осенней сухости.

Юцин заметил эти баночки ещё когда накрывал на стол: в одной переливались яркими красками фруктовые карамельки, а в другой лежал россыпью темно-коричневый грушевый

монпансье. Каждая конфета была в отдельной обёртке, что весьма удобно.

Юцин откликнулся, подвинул блюдечко поближе и, непринуждённо прислонившись плечом к руке Цзинсяня, с улыбкой спросил:

— И тебе не кажется детским садом, что взрослый парень уплетает конфеты?

Принести ему целую гору сладостей — какое чистой воды баловство и потакание!

Цзинсянь с абсолютно невозмутимым видом ответил:

— Не имеет значения, малыш ты или взрослый человек. Немного сладостей никому не повредит.

Юцин не удержался от тихого смешка. Слышать подобные речи от человека, который душой не переносит сладкое — лучшее доказательство его нежных чувств. Только искренняя симпатия заставляет закрывать глаза на такие мелочи и оправдывать любые капризы.

Когда от угощения почти ничего не осталось, Юцин любопытствовал:

— Младший дядя, а с чего вдруг ты решил принести мне полдник?

Чутьё подсказывало: эта забота едва ли была случайным порывом.

Услышав этот вопрос, Цзинсянь плавно опустил чашку на стол и вместо ответа пристально взглянул на юношу:

— Вместо того чтобы расспрашивать меня, Юцин... Лучше скажи, чем ты занимался у меня за спиной все эти дни?

— А?

<http://bllate.org/book/20021/1991465>